

Фань Сюаньэр была абсолютно уверена, что станет женой цзюньвана, однако уже несколько дней ее удерживали в доме по приказу госпожи Вэй, не давая выйти наружу. Даже увидеться с Тан Сюанем не было возможности.

Фань Сюаньэр дважды умоляла госпожу Вэй отпустить ее, но та, напуганная ее настойчивостью, едва услышав, что та пришла, тут же ложилась в постель и притворялась больной. Без сопровождения старших ей никак не удавалось выйти из дома, чтобы завести полезные знакомства.

Фань Сюаньэр начала сравнивать себя с героиней из старинных повестей — несчастной, обреченной на страдания и ждущей, пока ее спасет главный герой.

Она даже разыгрывала подобную сцену: положив руку на оконную раму, смотрела на цветы и травы за окном, а по ее щекам текли тихие слезы.

Увидев это, служанка не удержалась и попыталась ее урезонить:

— Госпожа, зачем же так мучить себя? Раз уж Янь-цзюньван не проявляет к вам интереса, может, лучше оставить эти мысли и выйти замуж за второго молодого господина?

Фань Сюаньэр вздохнула и тихо, словно лепесток, ответила:

— Второй кузен, конечно, хорош, но все же он мне не пара. С детства я воспитывалась в доме, где гремели колокола и дымился жертвенный котел, следовала за момо из дворца, чтобы научиться правилам жизни в великосветском доме. Все это ради того, чтобы управлять внутренним двором и помогать супругу стать человеком, достойным высокого положения. Разве ты думаешь, я ради забавы так упорно училась искусствам музыки, шахмат, каллиграфии, чайной церемонии и составлению букетов? Говорят, что чтобы овладеть мастерством игры на пипе, требуется десять лет, а я справилась за пять. Во всем Цзяннине нет человека, который бы меня не хвалил. Среди всех моих сестер и кузин по дому, ни одна не сравнится со мной ни в талантах, ни в красоте.

С этими словами она небрежно протянула изящную руку к пипе, слегка коснулась струн, и резкий звук заставил служанку вздрогнуть.

Служанка выдавила натянутую улыбку:

— Таланты и красота госпожи, конечно, несомненные...

Если не считать толстого слоя белил на лице, то, возможно, она действительно могла бы считаться миловидной.

Фань Сюаньэр, поглаживая щеки, самодовольно произнесла:

— Матушка всегда говорила, что я рождена для того, чтобы выйти замуж за вана или вельможу, носить корону феникса и алый шелк, чтобы прославить семью. Если я паду так низко, что выйду замуж за какого-то военного, как я смогу посмотреть в глаза духу матери, что смотрит на меня с небес?

Уголок рта служанки дернулся:

— Второй молодой господин — человек прекрасного облика, в столь юном возрасте уже носит звание генерала, охраняющего страну. Как его можно назвать «каким-то военным»?

Фань Сюаньэр слегка улыбнулась:

— В сравнении с благородным и утонченным Янь-цзюньваном он ничем иным быть не может.

Служанка тяжело вздохнула:

— Но Янь-цзюньван на вас даже не взглянул!

- Он просто пока не может это принять, — сказала Фань Сюаньэр, с легкой улыбкой глядя в окно. — За моей спиной стоит клан Фань из Цзяннина, а отец оставил мне несметное состояние. Если он женится на мне, я непременно помогу ему наладить связи с властью и имущими, осуществить свои амбиции. Не говоря уже о позиции цзюньвана, даже звание вана* он сможет заполучить с моей помощью.

(ПП: напомню, титул вана в династии Сун носил только наследный принц)

Служанка испуганно ахнула и поспешно зашептала:

— Госпожа, такие речи могут стоить жизни! В государстве строго наказывают за подобные мысли.

Фань Сюаньэр высокомерно взглянула на нее, будто свысока:

— Видишь? Ты даже подумать об этом боишься. Вот и останешься рабыней на всю свою жизнь.

Служанка недовольно надула щеки и пробормотала себе под нос:

— Легко вам говорить. Вы и сами сидите под домашним арестом у госпожи, выйти из дома не можете.

Фань Сюаньэр погрузилась в грусть, ее взгляд потемнел:

— Тетушка просто временно не может это осознать. У нее ведь даже нет родной дочери. Если я удачно выйду замуж, разве это навредит дому генерала?

Она задумалась, а затем уверенно произнесла:

— Люй, ступай на кухню и приготовь для тетушки суп с ласточкиным гнездом. Скажи, что это мой знак почтения. И найди подходящий момент, чтобы рассказать ей, что я в последнее время постоянно тревожусь, сижу у окна и плачу. Скажи, что мне совсем худо.

— ...Хорошо, — ответила служанка, покорно склонившись в книксене. Ни тени удивления на ее лице — очевидно, она давно привыкла к таким поручениям.

В свое время ее мать, живя в доме генерала, всегда прибегала к этим уловкам, чтобы добиться своего. Теперь же этим занялась Фань Сюаньэр. А госпожа Вэй, слишком доверчивая, считала их своими близкими людьми. Даже понимая, что в словах служанки есть преувеличение, она не могла удержаться от беспокойства.

Перемешивая ложкой суп с ласточкиным гнездом, она, как и ожидалось, прониклась жалостью:

- Такое хорошее лакомство, а она не оставила его себе, чтобы укрепить здоровье, но сварила для меня.

Цао Гуо закатила глаза.

- Такое хорошее лакомство вы же сами ей купили, госпожа. Если бы она не хотела выманить вас из дома, разве стала бы так стараться и готовить его для вас?

Госпожа Вэй тяжело вздохнула:

- Я же все понимаю. Но в доме Вэй больше не осталось ни одной родной души. Как я могу быть с ней жестокой?

- А по мне так давно пора ей подобрать подходящего жениха. Если она выйдет замуж за достойного человека, ваша племянница наконец-то остепенится, — отрезала Цао Гуо.

А если и не остепенится, так хотя бы будет вертеть своим мужем, а не доставлять хлопоты в генеральском доме.

Эти слова заставили госпожу Вэй задуматься. Она пригубила ложку с ласточкиным гнездом и наконец-то сказала:

- Пиши письмо Юн-эру, пусть возвращается не к Празднику Середины осени, а уже в следующем месяце.

Цао Гуо тут же повысила голос:

- Вы все еще не оставили эту затею? Хотите снова устроить свадьбу вашего любимого эр-лана с этим маленьким белым лотосом?!

- Что за вздор ты несешь, — госпожа Вэй бросила на нее строгий взгляд. — У Юн-эра всегда было много идей. Позову его, чтобы хотя бы с кем-то посоветоваться.

Цао Гуо вздохнула с облегчением и приложила руку к груди — чуть не перепугалась до смерти.

Госпожа Вэй обругала ее за несдержанность и велела садиться за письмо. Сама она была неграмотна, и все семейные послания в доме всегда писала Цао Гуо.

Госпожа Вэй родила пятерых сыновей, но младший умер в младенчестве. Теперь у нее осталось четверо. Старшему — двадцать пять, младшему — шестнадцать, все служат на пограничных заставах.

Когда второму сыну, Ди Юну, был всего год, у госпожи Вэй уже родился третий ребенок. Она не успевала заботиться обо всех, и потому именно Цао Гуо вырастила Ди Юна — буквально на своих руках, кормя его и заботясь о нем с пеленок.

Ди Юн среди всех братьев был самым умным и любимым у Ди Цина, неизменной гордостью Цао Гуо. Она всегда мечтала, чтобы Ди Юн женился на воспитанной, скромной и почтительной девушке, а не на такой капризной и надменной, как Фань Сюаньэр. К счастью, когда-то, при обсуждении помолвки, мать Фань Сюаньэр не обратила внимания на Ди Юна, и Цао Гуо несколько дней потешалась над этим, прячась под одеялом.

Каждый раз, когда она писала письма Ди Юну, в ней просыпалась какая-то беспокойная старушка. Она подробно расписывала все, что приходило в голову, и заполняла целые листы. На этот раз письмо оказалось еще длиннее. В нем она не только жаловалась на Фань Сюаньэр, но и рассказывала про Сы Наня и их поход в ресторан с горячими горшками. Письмо заняло четыре или даже пять страниц, а в самом конце Цао Гуо добавила: «Дома все в порядке, не торопись возвращаться».

Полмесяца спустя, на берегу реки Лошуй.

Юноша в зеленой одежде мчался верхом на резвом скакуне, высоко поднимая руку, чтобы ловко раскрутить лассо. Он преследовал стадо диких лошадей.

Его конь несся среди них, обгоняя одну за другой, а взгляд юноши был сосредоточен на цели — молодом вожаке стада. Это был еще совсем молодой жеребец, недавно ставший предводителем. Очевидно, он еще не научился управлять стадом, иначе вряд ли бы так необдуманно ворвался на территорию лагеря северо-западной армии.

Юноша не спешил, терпеливо выжидая подходящий момент.

Под ногами простиралась влажная пойма. Впереди шумела быстрая река, и вожак на мгновение замедлился, раздумывая.

— Сейчас! — юноша резко взмахнул рукой, и веревка со свистом обвилась вокруг шеи молодого жеребца.

Тот поднялся на дыбы и пронзительно заржал, возмущенный посягательством.

Юноша оставался спокойным и уверенным. Он крепко держал веревку и быстро приближался. Когда их лошади поравнялись, он ловко оттолкнулся от седла, одним движением взлетев на спину дикого жеребца.

Жеребец, охваченный гневом, стал неистово метаться, высоко взбрыкивая, чтобы сбросить дерзкого всадника. Юноша прижался к спине жеребца, длинные ноги крепко охватили его бока, корпус был наклонен вперед. Одной рукой он цепко держался за гриву, а другой успокаивающе поглаживал.

Время тянулось долго. Наконец молодой вожак измотался и осознал, что стряхнуть назойливого двуногого не удастся. Он затих, прерывисто дыша.

Юноша подтянул поводья, разворачивая жеребца обратно к лагерю. Под копытами ритмично вздымалась земля, а вокруг раздались радостные возгласы и аплодисменты.

Молодой жеребец запрокинул голову и протяжно заржал, будто выкрикивая ругательства.

Юноша с улыбкой похлопал его по шее, весело прищурился:

— Брат, как тебе эта лошадь? Подойдет в подарок ко дню рождения четвертого брата?

Старший сын семьи Ди кивнул, оставаясь невозмутимым, и передал ему письмо с красной печатью:

— Письмо от тети Цао Гуо. С ее личным штампом, должно быть, дело срочное.

— Что за срочность? Наверняка мать снова ее довела, вот и ищет у меня поддержки. — с этими словами Ди Юн быстро спрыгнул с жеребца, передав молодого жожака одному из солдат.

Тот радостно принял поводья, но едва успел коснуться лошадиной шкуры, как молодой жожек дернул голову, и солдат с громким шлепком рухнул в грязь, вызвав взрыв смеха у окружающих.

Жеребец гордо вскинул голову, с независимым видом потрусил к Ди Юну и попытался повторить трюк. Однако юноша увернулся с ловкостью, которая явно превосходила ожидания его новой добычи.

Ди Юн закончил читать письмо, повернулся к своему новому спутнику, огромному дикому жеребцу, и, похлопав его по длинной морде, сказал:

— Ладно, пойдем со мной обратно в Кайфэн. Я нашел для тебя нового хозяина.

Только что радовавшийся обещанному подарку ко дню рождения четвертый брат Ди замер на месте:

...И где тут братская любовь?

Ди Юн снова посмотрел на последнюю строчку письма: «Ни в коем случае не спеши возвращаться». На его губах заиграла лукавая улыбка.

Прошел год с его отъезда, пора бы навестить своего маленького брата Наня.

В июле жара начинает спадать, и погода становится прохладнее. Однако у Сы Наня все кипело, но вовсе не от зноя, а от нескончаемых дел.

С самого утра он приводил в порядок детей, готовя их к учебе, и провожал их в школу.

До полудня встречался с чиновниками из Министерства обрядов, чтобы обсудить подготовку к празднованию Середины Осени.

После полудня Сы Нань снова спешил в ресторан с горячими горшками, чтобы выслушать отчет о прошедшем дне, а также принять потенциальных управляющих, желающих вступить в франшизу.

Количество желающих открыть франчайзинговые заведения перевалило за сотню, а назначенный заранее срок подписания договоров стремительно приближался. Однако Сы Нань до сих пор не определился, какие десять заведений отобрать. Он недооценил свою популярность, заявив с самого начала, что в этом году подпишет договоры лишь с десятью заведениями.

Тем временем Тан Сюань тоже был загружен работой: расследовал дело о контрабанде соли, следил за порядком в столице и иногда лично патрулировал городские ворота.

Встречаться им удавалось только вечером, в маленьком дворе семьи Сы, где они вместе ужинали и пили чай.

Каким бы утомительным и хлопотным ни был день, как только Сы Нань становился у плиты, его сердце наполнялось спокойствием. А Тан Сюань, каким бы ни был занят, всегда возвращался домой на ужин, чтобы увидеть Сы Наня. Этот вечерний ритуал стал для них молчаливым соглашением, не требующим слов.

Хуайшу осуществил свою мечту и вступил в элитное военное подразделение. Утром он тренировался в лагере, а после обеда посещал занятия в учебном заведении.

Сы Нань время от времени передавал через него небольшие порции горячего горшка для сослуживцев. Благодаря этому Хуайшу избежал типичных для новобранцев придирок и обрел добрые отношения с сослуживцами.

Для управления франшизой Сы Нань нанял новых сотрудников, которые проходили обучение у Лю-ши и Цуй Ши. Курьерская служба тоже значительно расширилась: из небольшой команды из десяти человек она превратилась в большую, численностью более сотни. Первоначальные курьеры стали капитанами, каждый из которых теперь руководил своей командой. Главным же командиром остался Чжун Цзян, который тренировал новых ребят по военным стандартам, четко обозначая дисциплину и правила, поощряя за успехи и строго наказывая за промахи.

С первым звоном утреннего колокола в монастыре Дасяного все команды дружно выходили на маршрут, заряженные энергией. Их стройные ряды неизменно привлекали внимание прохожих. Курьеры стали живой рекламой ресторана Сы, символом его неукротимого духа.

В зале ресторана остались лишь два подростка — Сяо Го и Юй Сан-нянь, — которые обслуживали клиентов и координировали остальных сотрудников. Сы Нань, помимо основной зарплаты, повысил им процент от выручки.

На кухне тоже царила своя жизнь. Эр Доу, «первый ученик» Сы Наня, во время его отсутствия обучал новых поваров. Этот малыш у плиты становился серьезным, как старик, но, покинув свою «боевую позицию», вновь превращался в простодушного мальчишку. Ученики уважительно называли его «старшим братом».

Эр Доу смущенно чесал голову и, криво улыбаясь, отвечал:

— Да вы меня такими словами совсем состарите!

И это от тех, кто годится ему в отцы!

Хотя все были по уши заняты, каждый из сотрудников чувствовал радость от проделанной работы.

Казалось, впереди дорога устлана светлыми перспективами.

На следующий день был выходной.

После ужина Тан Сюань подал тщательно вымытую кисть винограда, прямо к руке Сы Наня. Сы Нань растянулся на лежаке, лениво поедая виноградины и выставив напоказ небольшой животик — одним словом, наслаждался жизнью.

Тан Сюань некоторое время обдумывал свои слова, а затем наконец заговорил:

— Сегодня небо пылало алыми облаками, завтра, думаю, будет прекрасная погода. Хочешь выехать за город?

— Куда? — Сы Нань положил в рот еще одну виноградину, а затем взял одну, чтобы накормить Тан Сюаня.

Тот с готовностью принял угощение прямо с его руки, проглотил и только после этого ответил:

— Наньюэ подарили нашей стране пару диковинных животных. Император велел разместить их в саду Юйцзинь. Не хочешь взглянуть?

Сы Нань действительно заинтересовался:

— Какие еще диковинные звери?

— Линси.

Эм...

Его энтузиазм мигом улетучился, словно сдувшийся воздушный шар.

— Это просто носороги? — в современном мире он их видел множество раз, ничего интересного.

Сы Нань моргнул и с улыбкой отказал, обернув отказ в шутливую форму:

— Наконец-то один свободный день, твоя «маленькая юла» решила остановиться и отдохнуть. Мой добрый малыш это поймет, верно?

Тан Сюань слегка прижал губы, но все же кивнул. На самом деле, он искренне надеялся, что Сы Нань согласится. Это была их первая прогулка после того, как их отношения прояснились, и для него это значило гораздо больше, чем простая поездка.

Сы Нань ничего об этом не знал. Чтобы освободить этот день, Тан Сюань провел бессонную ночь, сжав три дня работы в два. Но теперь все планы были напрасны.

Однако Тан Сюань не выдал ни малейшего разочарования.

«Сы Нань устал, — подумал он. — Если хочет отдохнуть, пусть отдыхает».

Перед уходом, улучив момент, когда дети не смотрели, Тан Сюань стремительно обнял Сы Наня. Это было его маленькой компенсацией за несостоявшееся свидание.

Сы Нань улыбнулся так самодовольно, что было невозможно не заметить.

«Ах, мой маленький скромный шоу становится все лучше в искусстве кокетства», — подумал он.

И все же на следующий день Сы Нань так и не отдохнул как следует. Рано утром его позвала Юй Эр-нянь в ресторан горячих горшков.

Пока он слушал отчет Юй Сан-нян о текущих делах, в зал вошла высокая и стройная «молодая госпожа». Ее наряд выделялся: плиссированная юбка, сверкающая семицветная вуаль, а черные волосы украшали позвякивающие золотые заколки и двусторонние шпильки с подвесками. От всей ее фигуры веяло богатством и роскошью.

Заметив Сы Наня, «госпожа» вдруг замялась и поспешно спряталась за спину своей служанки.

Сы Нань непроизвольно провел рукой по лицу, задумавшись: неужели я так страшно выгляжу?

«Молодая госпожа» заметила его движение и, не удержавшись, закатила глаза так демонстративно, что это не могло остаться незамеченным.

В этот момент ветер от вентилятора приподнял ее разноцветную вуаль, и Сы Нань увидел ее лицо. Он так удивился, что чуть не выплюнул чай.

Этот парень...

Незнакомец торопливо ухватился за вуаль и опустил ее обратно, тщательно закрыв лицо. Служанка же, нахмурившись, сказала резко:

— Проводите мою госпожу в отдельный кабинет!

Юй Сан-нян поспешила подойти с вежливой улыбкой:

— Госпожа впервые у нас? У вас есть бронь?

«Госпожа» наклонилась и шепнула что-то служанке. Та выпрямилась, приняв важный вид, и громко объявила:

— Моя госпожа — член клуба, и не просто член, а высокого уровня.

Юй Сан-нян слегка поклонилась с улыбкой:

— Прощу прощения за беспокойство. Для высоких членов клуба бронь не требуется. Если не возражаете, могу предложить кабинет «Цзинь-го гэ», он предназначен только для дам, там никогда не бывает мужчин.

«Госпожа» вдруг замялась, а затем сказала:

— Не нужно, пойдем в обычную отдельную комнату.

Юй Сан-нян удивленно посмотрела на нее, почувствовав что-то странное, но сохраняла свою приветливость и с улыбкой проводила «госпожу» на второй этаж.

Сы Нань, оставшись внизу, внимательно смотрел ей вслед. Широкие плечи, тонкая талия, а больше всего — огромные ступни, которые то и дело мелькали из-под подола.

Поднимаясь по лестнице, он все-таки умудрился наступить на подол своего платья, едва не упав.

Сы Нань не смог удержаться и громко рассмеялся. Этот парень что, обезьяна, нанятая развлекать людей?

Незнакомец обернулся и сердито посмотрел на него. Ну вот, если до этого момента Сы Нань еще сомневался, то теперь все стало очевидно. Он сразу понял, кто перед ним.

Переодеться в женщину и пробраться в ресторан? Вот уж изощренная идея!

Злая искорка в глазах Сы Наня вспыхнула ярче. Он тут же взял в руки внушительного вида суперменю и, сияя, направился к «гостье».

«Молодая госпожа» как раз собиралась снять вуаль, но, увидев его, сразу насторожилась:

— Ты чего пришел? А где та девчонка, которая меня встречала?

- Вы сегодня стали сотым счастливым клиентом нашего заведения, и вас лично обслужит управляющий, — Сы Нань с улыбкой, не сходящей с лица, аккуратно расставлял модели кастрюль на столе. — Двойной бульон или тройной?

«Молодая госпожа» плотно закрыла лицо вуалью, но из-под нее раздался звонкий голосок:

— Я хочу четыре!

— Четыре — плохая примета, давайте лучше три. Как вам костный бульон, томатный и слегка острый?

— Не подходит. Я хочу грибной, с красными финиками и такой острый, чтобы дышать не могла.

— Как скажете, — улыбнулся Сы Нань, как заботливый старший брат. — Какие гарниры хотите? Есть ли что-то, чего не едите?

— Я все ем, — гордо заявила она. — Берите все с третьего уровня, по одной порции, а еще те бесплатные закуски с первого уровня. Если не дадите в подарок, я заплачу.

Сы Нань едва удержался от смеха:

— Так много! Уверены, что съедите все? У нас в заведении не принято оставлять еду.

— Кого ты недооцениваешь? Если не съем, упакую и заберу домой! — вспыхнула она, забыв о маскировке. В ее голосе тут же зазвучала уверенность юного парня.

Служанка отчаянно подмигивала, но было поздно.

«Молодая госпожа» быстро опомнилась, сменила тон на мягкий, почти ласковый:

— Какой вы противный! Следите за тем, сколько я ем, будто я не собираюсь платить.

И, завершив эту фразу, кокетливо подняла руку, изогнув пальцы в утонченном жесте.

Сы Нань чуть не расхохотался в голос и покатил тележку, направляясь к двери.

Сразу после этого «молодая госпожа» с облегчением выдохнула.

Но Сы Нань резко обернулся:

— Точно нет ничего, что не едите?

Она вздрогнула и раздраженно замахала руками:

— Ничего, ничего! Уходи быстрее! И кстати, позже не возвращайся. Пусть блюда приносит та маленькая служанка.

- Хорошо, подождите немного, — с улыбкой отозвался Сы Нань, легко соглашаясь.

У собеседника внезапно возникло странное чувство тревоги, будто за этой улыбкой скрывалось что-то недоброе. И, как оказалось, не зря. В следующий миг Сы Нань, словно призрак, стремительно оказался прямо перед ним, одним движением сдернул с него вуаль и даже успел ущипнуть за щеку.

— Ты... ты нахал! Немедленно верни мою шляпу! — собеседник, притворяясь возмущенным, схватился за лицо в показной ярости.

Сы Нань рассмеялся:

— Хоть и притворяешься, но давно уже выдал себя! Кто это там клялся, что ни за что не зайдет ко мне в ресторан поесть горячий горшок?

Собеседник не успел ответить, как снаружи послышался холодный голос:

— Кто это тут говорил, что сегодня останется дома и будет как следует отдыхать?

Отказавшись от его приглашения, он нашел время флиртовать с юной леди?!

Тан Сюань вошел с мрачным лицом.

На лице Сы Наня отразился шок.

Пойман на измене?[]

<http://bllate.org/book/13604/1206383>